

Никита
КРИЧЕВСКИЙ

РОССИЯ

СКВОЗЬ САНКЦИИ —
к процветанию!

Никита Александрович Кричевский

Россия. Сквозь санкции

– к процветанию!

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21539178

*Россия: сквозь санкции – к процветанию!: Издательско-торговая
корпорация «Дашков и К°»; М.; 2015*

ISBN 978-5-394-02479-5

Аннотация

Можно ли найти универсальные теоретические рецепты экономического роста? Существуют ли в истории развития новых экономик количественные и качественные закономерности? Как обратить западные санкции во благо, отказавшись от фантома социальной консервации в пользу стратегии экономического прорыва? Ответы на эти и другие вопросы содержатся в новой книге одного из лучших российских экономистов Никиты Кричевского. В книге доказывается, что сегодня Россия располагает самым разнообразным инструментарием, позволяющим в кратчайшие сроки задействовать имеющиеся интеллектуальные, инфраструктурные, финансовые резервы для начала импортозамещения или возрождения отечественного производства потребительской продукции с максимальным использованием потенциала внутреннего рынка. Промедление

смерти подобно, что показано на примере непрофессионализма, нерешительности, малодушия, царивших в научной среде, промышленности, сфере государственного управления в последние годы СССР. Книга Никиты Кричевского продолжает серию публикаций результатов его исследований, посвященных ключевым проблемам современной российской экономики, проблемам, приобретающим особую значимость в условиях усугубляющегося давления на Россию в ответ на проводимую нашей страной внешнюю политику. Стиль изложения книги делает понятными и доступными самому широкому кругу читателей предлагаемые автором пути перехода национального хозяйства к устойчивому экономическому росту.

Содержание

К читателю	6
Книга первая	11
Глава 1. Загадочный экономический рост	11
Суть разговора	12
Расчеты – пустое?	16
Компетенции	25
Институты	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Никита
Александрович Кричевский
Россия: сквозь санкции
– к процветанию!

© Кричевский Н. А., 2014

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2014

К читателю

Все последние годы, а в последние месяцы в свете санкционных событий – особенно, Россия остро нуждается в смене экономической политики. Прежних темпов экономического роста нет, цены на сырье топчутся на месте, доходы бюджета не увеличиваются. Причем о восстановлении прежних экономических скоростей грезят многие прежде прорывные государства, в былые времена убаюканные сырьевой, продовольственной, фондовой конъюнктурой, видимостью социальной стабильности, одобрением и поддержкой населения.

Экономический рост в отдельно взятом государстве, несмотря на кажущуюся простоту, вопрос чрезвычайно сложный. Теория запуталась в трех соснах (накопление, производительность, институты), аналитика универсальных ответов не дает, практика также противоречива. Вдобавок на Россию, в нулевые также вяло искавшую точки экономической опоры, в 2014 году лавинообразно обрушился поток всевозможных санкций – от финансовых ограничений до инфраструктурных запретов. В итоге производство стагнирует, финансовых ресурсов практически нет, цены предательски ползут вверх.

Коллапс? Нет, шанс! Моя страна оказалась в уникальной исторической ситуации, когда благодаря умелым точечным решениям руководства, компетентному, а в некоторых слу-

чаях – интуитивному управлению экономикой, пониманию необходимости и готовности к изменениям в социуме мы можем в относительно короткие сроки переформатировать наше национальное хозяйство, пересев с затрапезного товарняка на высокотехнологичный экспресс.

Способны ли мы на это? Достанет ли нам знаний и ресурсов? А разве есть варианты? Надеюсь, что эта книга всем нам пойдет в помощь.

В первой главе будет показана тщетность поиска теоретического секрета экономического роста. Увеличение накопления физического и человеческого капитала, повышение совокупной производительности факторов производства, улучшение качества институтов, безусловно, важны, но в каких пропорциях эти ингредиенты смешивать?

Во второй главе проанализированы основные статистические показатели развития лидирующих экономик. Общие закономерности выявить также не удалось, за исключением, пожалуй, искусственно заниженных обменных курсов, значительных объемов денежной массы в странах-лидерах и, конечно, высокой инвестиционной активности. Впрочем, последняя черта вряд ли требует каких-либо доказательств. В третьей главе найдены корреляции многих качественных параметров прорывных экономик. Это и государственно-клановая структура хозяйствования, и динамика инновационно ориентированных «точек роста», и стимулирование промышленности и импортозамещения. Представлен-

ные качественные аспекты, а также некоторые количественные показатели экономического развития прорывных экономик позволили классифицировать формирующиеся рынки по двум моделям – социальной консервации и экономического прорыва. Причем экономики, соответствующие модели социальной консервации, ныне замедляются, тогда как сила инерции в росте государственных социальных обязательств у них, как прежде, велика.

В четвертой главе раскрыта сущность мейнстримовых теоретических установок Запада. Вашингтонский консенсус, глобализация, развал украинской промышленности, расширяющиеся антироссийские санкции – все это явления одного порядка, смысл которых заключается в деиндустриализации развивающихся экономик, открытии для собственной продукции новых рынков сбыта, прививании зависимости от западных подаяний.

В пятой главе констатируется, что структура российской экономики остается схожей с позднесоветской. Отсюда – наличие прежних рисков и сценариев, в случае реализации которых российскую экономику, скорее всего, будет ждать огосударствление, директивное ценообразование, жесткий контроль над предпринимательским сообществом, словом, откат назад. В то же время история знает немало примеров твердых решительных действий иностранных государственных лидеров в сложных социально-экономических ситуациях.

В шестой главе разговор пойдет о первоочередных мерах по переориентации российской промышленности на внутренний рынок: о преимуществах бенчмаркинга, кластерной организации новых производств в моногородах, путях повышения конкурентоспособности работников.

В седьмой главе при рассмотрении финансовой основы экономического прорыва обосновывается необходимость неинфляционного расширения денежного предложения, расшифровывается безальтернативность ослабления рубля и замораживания бюджетных социальных обязательств, высказываются предложения по введению специального налога для иностранных спекулятивных инвесторов, созданию российского рейтингового агентства, развитию сети региональных банков, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

В восьмой главе рассматривается сложившаяся в России и практически во всех прорывных экономиках государственно-клановая система организации хозяйства. Дабы не пускаться в абстрактные рассуждения о пользе и вреде частной собственности на средства производства, в главе сравниваются конкретные промежуточные итоги деятельности двух российских сырьевых гигантов.

Общие подходы, изложенные в книге, в целом известны и в той или иной форме частично предлагались многими исследователями. Неизвестным, по большому счету, остается ответ на один вопрос – хватит ли нашей бюрократии

профессионализма, компетенций, организаторских способностей, чтобы воспользоваться санкционным окном возможностей? Не получится ли так, что окно превратится сначала в форточку, затем – в многочисленные трещины, а потом и само здание разрушится? В недавнем прошлом такое уже было – некогда фундаментальное сооружение под названием «Советский Союз» рухнуло как карточный домик, однако его разрушители аплодисментов так и не дождались.

У вас есть желание повторить тот опыт? Лично у меня нет.

Никита Кричевский

Книга первая

В поисках общего начала

Глава 1. Загадочный экономический рост

Лучшие исследовательские умы страны безуспешно бьются над реанимацией роста экономики России, тщетно пытаются даже не повторить, а хотя бы приблизиться к заоблачным показателям нулевых (в 2000 году рост ВВП составил 10,0 %, в 2003 – 7,3 %, а в 2007 году – 8,5 %). Правда, ученые за редким исключением не учитывают крайне благоприятные внешние и внутренние макроэкономические обстоятельства тех лет, когда цены на сырье и фондовые активы росли как на дрожжах, постдефолтная девальвация рубля способствовала всплеску импортозамещающего производства, а иностранные инвестиции (не только спекулятивные, но и реальные) текли в Россию рекой.

В середине второго десятилетия нового века после так называемой Великой рецессии ситуация в российской экономике изменилась кардинально, а значит, прежние рецепты экономического роста предсказуемо не сработают. Причем подобная картина сложилась не только в России – многие

развивающиеся страны столкнулись со схожими проблемами и, так же как и мы, мучительно ищут ответ на вопрос, что же такого экстраординарного нужно предпринять, чтобы вернуться на прежнюю макроэкономическую траекторию, на худой конец сохранить позитивные параметры развития.

Вопрос так и останется без ответа, пока мы всесторонне не проанализируем сущностные особенности как российского, так и мирового экономического развития. В этой главе мы остановимся на теории экономического роста и убедимся, что теоретического единства не существует в принципе, а значит, верить в нахождение общеприменимых научных концепций бессмысленно.

Универсального лекарства от всех болезней не бывает.

Суть разговора

В утвердившемся понимании экономический рост означает увеличение совокупного объема производства в течение определенного времени и, как правило, измеряется в годовых темпах прироста ВВП. Сказать легко, трудно определить и запустить драйверы роста, тем более в нашей экономике, структурно мало изменившейся с советских времен, да еще на фоне западных санкций.

В сегодняшней России господствует поверхностное суждение, что экономический рост зависит в первую очередь от повышения производительности труда (ранее к нему до-

бавлялось опережающее развитие институтов, а в последнее время появилась еще одна абстракция – реиндустриализация). Это заблуждение, хотя и не лишенное оснований. Экономический рост представляет собой функцию не столько от производительности труда, сколько от целого ряда куда более важных переменных: динамического и дифференцированного накопления физического и человеческого капитала, устойчивого повышения совокупной производительности факторов производства и сопутствующего предыдущим процессам улучшения качества институциональной среды, способствующего реализации предпринимательской инициативы¹.

Накопление, частным случаем которого выступают инвестиции, означает увеличение государством, предприятиями, индивидами объемов основных средств, производственных запасов, прочего хозяйственного имущества (физический капитал) и знаний, умений, навыков, обобщенно – компетенций (в иностранной экономической литературе – человеческий капитал). Здесь принципиальное значение имеет следование в фарватере глобальных тенденций: к примеру,

¹ Нобелевский лауреат (1970) Пол Самуэльсон полагал, что экономический рост происходит вследствие действия четырех факторов. Это «людские ресурсы (предложение труда, образование, дисциплина, мотивация); природные ресурсы (земля, полезные ископаемые, топливо, качество окружающей среды); капитал (фабрики и заводы, дороги); технологии (наука, инжиниринг, менеджмент, предпринимательство)» (*Самуэльсон Пол Э., Нордхаус Вильям Д.* Экономика: Пер. с англ. – 18-е изд. – М., 2007. – С. 1010).

можно построить или модернизировать металлургический комбинат, но его продукция вряд ли будет востребована по причине, во-первых, значительного предложения аналогичных изделий, во-вторых, насущных потребностей современной экономики в продукции не столько первичной переработки, сколько высокотехнологичного сектора.

Факторы производства подразделяются на ресурсы (земля, полезные ископаемые), инфраструктуру (инженерия, коммуникации), средства производства (здания, сооружения, машины, оборудование), финансовый капитал (кредит, ценные бумаги) и собственно сам труд. Повышение производительности каждого фактора позитивно, хоть и не всегда прямо пропорционально отражается на общем приращении экономики. Кроме того, при условной неизменности ресурсной производственной базы и безусловной зависимости средств производства и труда от физического накопления и компетенций, а финансового капитала – от государственного (общественного) регулирования как составной части институциональной среды на первый план выходит развитие инфраструктуры.

При рассмотрении значения факторов производства «солирует» государство: будь то природные ресурсы, инфраструктура или регулирование финансовой сферы. Что касается производительности труда, то «стандартной» экономической наукой предполагается, что промышленный сектор по умолчанию уже создан и устойчиво развивается без

какого-либо негативного воздействия извне через навязанную «свободную» торговлю (на практике означающую банальную несовершенную конкуренцию – правительства развитых стран, как правило, субсидируют многие виды импортируемой продукции, что автоматически приводит к неравному соперничеству), а асимметрия рыночной информации² или географические расстояния отсутствуют.

Институциональная среда означает совокупность формальных и неформальных (нормативных и конвенциональных) организационных, правовых, финансовых, регулятивных условий функционирования предпринимательства и экономики в целом, вырабатываемых, реализуемых и контролируемых государством и обществом. В этом месте и далее следует предостеречь читателя от применения укоренившегося ныне механистического подхода к определению влияния институтов на экономический рост. Экономика – не автомобиль, в котором, кажется, «продуй» судебный (правоохранительный, антимонопольный) карбюратор, и машина полетит как новенькая. Запрос на качественное изменение институтов формируется критической массой инициативных «общественных атомов», и если в той же России состояние институтов оставляет желать лучшего, причина не столько в неэффективном государстве, сколько в устоявшей-

² Информационная асимметрия проявляется в недостаточной информации относительно продукции (сделки) у одного из субъектов рыночного взаимодействия.

ся модели экономического развития, до недавних пор не испытывавшей потребности ни в мощном предпринимательском сословии, ни в сопровождающих его деятельность институтах.

Парадокс, но научный мир, несмотря на всю очевидность вопроса, до сих пор так и не определился: институциональное реформирование – это первопричина или спутник экономического роста? Институциональные нормативисты на основе умозрительных моделей готовы аргументировать первородство институтов. Позитивисты, отталкивающиеся от существующих реалий, все теснее сплываются вокруг основанного на модернизационном опыте многих стран мнения, что реформирование институтов – это фактор сопутствующий, но не детерминирующий экономический успех.

Расчеты – пустое?

Казалось бы, создадим экономико-математическую модель, рассчитывающую степень влияния той или иной составляющей на экономический рост, и дело с концом. Но экономика – наука, мало того что нелинейная, не предполагающая одновременно односложных и полезных решений, но еще и динамическая, посему более или менее точного метода подсчета вклада отдельного элемента в совокупный экономический прогресс до сегодняшнего дня не создано. Мы можем говорить, скорее, о качественном, нежели о ко-

личественном измерении вклада отдельных частей в общеэкономическое продвижение. Сегодня научный мир располагает многими исследованиями, показывающими, насколько велика или, наоборот, мала доля того или иного звена, однако и они, эти исследования, несмотря на то что дают определенное представление о проблеме, весьма и весьма условны, бухгалтерская погрешность в расчетах, как вы увидите ниже, иногда просто зашкаливает.

Начнем с накопления (здесь – с накопления физического капитала, о компетенциях позже). Необходимость накопления, в частности инвестирования, для обеспечения расширенного воспроизводства сомнений не вызывает. Но есть ли точные количественные оценки, отражающие корреляцию между объемами накопления и экономическим ростом, да еще в условиях, когда экономический ландшафт меняется непосредственно в процессе осуществления капитальных операций?

Таких оценок нет. Вероятнее всего, более или менее универсальная модель экономического роста не будет разработана никогда по причине множества сопутствующих вводных динамически меняющихся переменных, предугадать численные характеристики которых в перманентно трансформирующемся мире невозможно, будь то масштаб производства, развитие научно-технического прогресса или наличие барьеров на входе в рыночную нишу (например, патентная защита или авторское право). Даже, казалось бы, такой

несложный показатель, как капиталоемкость³, и тот линейно не коррелирует с ростом.

Для подтверждения обратимся к известной статье нобелевского лауреата (1995) Роберта Лукаса «Почему не происходит отток капитала из богатых стран в бедные?», вышедшей в 1990 году, где автор, в частности, рассматривал экономики США и Индии образца 1985 года. По базовому предположению Лукаса, при существовавшей в те годы разнице в доходах на душу населения США и Индии в 15 раз и при прочих неизменных обстоятельствах норма прибыли при инвестировании в основные средства индийской экономики должна была превышать аналогичный показатель для Америки в 58 раз⁴. Даже с учетом коррекции на меньшую производительность труда индийского работника норма прибыли при инвестировании все равно была бы в разы выше американской. Тем не менее тогда никакого всплеска инвестиционного интереса к Индии не произошло. Почему? Версии, предположения выдвигаются по сию пору.

Еще один пример, показывающий всю тщетность вычисления влияния на экономический рост, но уже не накопления, а повышения совокупной производительности факто-

³ Капиталоемкость – показатель, характеризующий объем основного капитала, необходимый для выпуска той или иной продукции. Определяется делением стоимости основных средств на объем продукции в денежном выражении за определенный период.

⁴ См.: *Lucas Robert E., Jr. Why Doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries?* American Economic Review 80. 1985.

ров производства (СПФ), включающих, напомним, ресурсы, средства производства, финансовый капитал и труд. В середине 1950-х годов основоположник неоклассической теории экономического роста нобелевский лауреат (1987) Роберт Солоу рассчитал вклад повышения СПФ в общий прирост неаграрного сектора США в первой половине XX в. По расчетам Солоу, доля СПФ в «неаграрном» приросте составила 80 %⁵. Неужели Солоу нашел тот самый «золотой ключик» роста и, если уделять основное внимание увеличению СПФ, экономический рост станет само собой разумеющимся?

Как выяснилось впоследствии, «ключик» Солоу оказался неподходящим. Полвека спустя Дейл Йоргенсон и Эрик Йип, исследовав соотношение повышения СПФ и совокупного роста в США и других странах G7 в первой половине 1960-х годов, «подкорректировали» мэтра, получив значительно меньшие в сравнении с Солоу, но все равно значимые 40 % роста в Германии и Италии и 50 % в Японии⁶. Наконец, в 1990-х годах Элвин Янг, проанализировав статистику по четырем азиатским странам – Гонконгу, Сингапуру, Тайваню и Южной Корее – установил, что вклад прироста СПФ в экономический рост разнился от 3 % в Сингапуре и

⁵ См.: *Solow Robert M. Technical Change and the Aggregate Production Function. Review of Economic and Statistics 39. 1957.*

⁶ См.: *Jorgenson Dale W., Yip Eric. Whatever Happened to Productivity Growth? New Developments in Productivity Analysis. Chicago: University of Chicago Press. 2001.*

16 % в Южной Корее до 27 % на Тайване и 31 % в Гонконге⁷. Что, кстати, совпадает с оценкой факторов азиатского экономического роста, данной еще одним нобелевским лауреатом (2008) Полом Кругманом, утверждавшим, что прорыв состоялся благодаря исключительно росту инвестиций⁸.

Сравните: 80 % вклада повышения СПФ в экономический рост США в первой половине XX века от Солоу, 50 % аналогичной лепты в Японии в 1960-х от Йоргенсона и Йипа и 3 % удельного веса в Сингапуре в 1990-х от Янга. Каков разброс!

Из представленных выкладок следуют как минимум три важных вывода. Мысль первая: в тех странах, где влияние СПФ на экономический рост было как бы незначительным, в примере с азиатскими экономиками – в Сингапуре и Южной Корее, совокупный рост достигался за счет накопления не столько основных фондов, сколько компетенций. Утверждение второе: по мере нарастания технологического развития глобальной экономики вклад СПФ в совокупный экономический рост неуклонно снижается, хотя некоторая корреляция между накоплением и СПФ все же присутствует. Наконец, заключение третье – бухгалтерский подход к определению вклада того или иного элемента в совокупный экономический рост неприемлем по причине слишком больших

⁷ См.: *Young Alwyn*. The Tyranny of Numbers: Confronting the Statistical Realities of the East Asian Growth Experience. *Quarterly Journal of Economics* 110. 1995.

⁸ См.: *Krugman Paul*. The Myth of Asia's Miracle. *Foreign Affairs*, 73 (6). 1994.

расхождений в расчетах. Помимо этих выводов, представленные исследования ставят перед научным сообществом и практиками ряд неспральных, в том числе для России, вопросов, например: какие инвестиции предпочтительнее – внешние или внутренние, или какое влияние на прирост накопления и СПФ оказывает институциональная среда.

Ответ на первый вопрос помогает найти экономическая история. В 2005 году известные индийские экономисты Ишвар Прасад, Рагурам Раджан и Арвинд Субраманьян (Раджан, профессор финансов Школы бизнеса им. Бута при Чикагском университете и глава Американской финансовой ассоциации, в 2003–2006 годах занимал должность главного экономиста МВФ) опубликовали статью «Парадокс капитала», где представили результаты изучения темпов экономического роста развивающихся стран в 1970–2004 годах в соотношении с притоком иностранных инвестиций⁹. Оказалось, что во всех без исключения странах экономический рост с опорой на внутренние сбережения происходил быстрее по сравнению со странами, поставившими во главу угла привлечение иностранных инвестиций, в основном, как выяснялось в дальнейшем, спекулятивного свойства. Авторы предупреждали: «Чрезмерная зависимость от иностранного капитала может также иметь пагубные последствия. Она может привести к росту курса национальной валюты, а в неко-

⁹ См.: *Прашад И., Раджан Р., Субраманьян А.* Парадокс капитала // *Финансы & развитие.* – 2007. – Март. – С. 16–19.

торых случаях и к его завышению... Это, в свою очередь, могло бы негативно сказаться на конкурентоспособности и экспорте важнейших секторов экономики, таких как обрабатывающая промышленность»¹⁰.

Неудивительно, что современные иностранные инвесторы, зная и о результатах того исследования, и о российском дефолте 1998 года, коснувшемся в том числе и внешних (пусть завуалированных под отечественные) спекулятивных вложений, и о полутриллионных долларовых резервах России, размещающихся за географическими пределами страны, относятся к призывам инвестировать в российскую экономику весьма скептически. (естественно, речь идет о «длинных» инвестициях в реальный сектор, а не о «коротких» спекуляциях на фондовом или валютном рынках). Пока Россия не начнет эффективно вкладывать внутренние финансовые ресурсы в собственную экономику, а это не только средства суверенных фондов, но и, например, чистая и нераспределенная прибыль предприятий и, конечно, сбережения населения, приток иностранных инвестиций, как и прежде, будет достигаться в первую очередь за счет реинвестирования средств, ранее выведенных из страны.

По данным Банка России, в 2012 году прямые иностранные инвестиции из России за рубеж составили 49 млрд долл. США. Из этих денег в офшоры и страны с пониженным налогообложением (к последним принято относить, к приме-

¹⁰ Там же. – С. 19.

ру, Люксембург, Нидерланды или Ирландию) «утекло» более 30 млрд долл., или 62 % от общего количества выведенных денег (первенствовал Кипр – 21 млрд долл.). Об обратном потоке: в 2012 году из 51 млрд долл. прямых иностранных инвестиций в Россию на офшоры и страны с пониженным налогообложением пришлось 39 млрд долл., или 77 %. Однако инвестиционными лидерами оказались не офшоры, что было бы логичным (куда вывели, оттуда и завели), а те самые «льготные» Люксембург, Нидерланды и Ирландия, откуда поступил в общей сложности 31 млрд долл., или более 61 % от всех иностранных инвестиций.

В заключение данного раздела вновь вернемся к производительности труда. Труд – безусловно, один из важных факторов производства, но, как было показано выше, отнюдь не определяющий совокупную динамику экономического роста, к тому же зависящий от многих побочных условий, таких как технологическое состояние промышленного (аграрного, сервисного) сектора, минимизация фактора географических расстояний, степень открытости (тарифной защиты) рынков или регулирующие усилия государства. Данный тезис, помимо научных исследований, подтверждается и логическими умозаключениями.

Предположим, фермер применил новое удобрение, в результате урожайность выросла в разы, однако параметры труда остались неизменными. Что станет причиной экономического роста – повышение производительности труда как фак-

тора производства или производительности земли как ресурса производства? Очевидно, что второе.

Другой пример. Новое скоростное шоссе значительно снизило издержки на доставку продукции в пункт дальнейшей транспортировки или конечного назначения. И вновь тот же вопрос: что повлияет на экономический рост – повышение производительности труда или все-таки увеличение отдачи от инфраструктуры? Понятно, что инфраструктуры.

Или так: введение фискальных стимулов для увеличения финансирования НИОКР или ускоренного технологического перевооружения – это рост производительности труда или качественные изменения институциональной среды? И здесь не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы остановится на втором варианте.

Причем это никакое не «открытие Америки» – к примеру, Элханан Хелпман писал о влиянии технологического прогресса на экономический рост так: «...технологический прогресс необязательно должен увеличивать производительность труда. Он может также увеличивать производительность капитала или земли. Другими словами, технологические усовершенствования могут повышать как производительность труда, капитала или земли, так и производительность других факторов»¹¹.

Конечно, все можно свести к повышению производительности труда, но тогда это профанация экономики как науки.

¹¹ Хелпман Э. Загадка экономического роста. – М., 2011. – С. 39.

С таким же успехом увеличение спроса на эскимо в летний период можно объяснять ростом производительности труда в лесопереработке – палочки ведь из дерева.

Современная российская экономика секторально более чем на три пятых состоит из сферы услуг (точный подсчет в данном случае непринципиален). Как апологеты повышения производительности труда представляют себе этот процесс применительно к водителям грузовиков, ведь дорожные пробки никто не отменял? К парикмахерам, неужели за счет уменьшения времени на стрижку? К банковским клеркам, отвечающим за кредитные или фондовые операции?

Ах да, можно взять условный валовый доход (выручку) по виду экономической деятельности и разделить на количество работников! Но при таком подходе мы будем вынуждены учитывать и увеличение общего количества автомобилей на дорогах, и повышение среднего уровня оплаты труда в экономике, и прирост денежной массы. Не проще ли учитывать производительность труда как составной элемент СПФ и, отдавая ей должное, рассматривать пути достижения устойчивого экономического роста комплексно?

Компетенции

В структуре факторов, влияющих на современный экономический рост, роль и значение компетенций (человеческого капитала), трансформирующихся, в частности, в иннова-

ции и технологии, неоспоримы. Нобелевский лауреат (1971) Саймон Кузнец еще в 1966 году писал: «Можно сказать, что со второй половины XIX века самым важным источником экономического роста в развитых странах определенно становятся основанные на науке технологии – в числе прочих в электроэнергетике, производстве двигателей внутреннего сгорания, производстве электронного оборудования, ядерных технологиях, биотехнологиях»¹².

Накопление человеческого капитала тесно перекликается с высокотехнологичными видами инфраструктуры, прежде всего информационными и коммуникационными. В моей классификации структуры экономического роста информация отнесена к инфраструктуре в связи с особыми свойствами информации как специфического общественного блага: во-первых, информацию, в отличие от товаров, работ или услуг, можно использовать многократно, не снижая ее потребительских качеств; во-вторых, полностью и навсегда перекрыть доступ экономических субъектов к информации часто невозможно.

Кстати говоря, методологическое единство в части идентификации новых знаний, технологий или информационных потоков либо как элементов накопления, либо как инфраструктурных факторов производства в научной среде отсутствует. Скажем, в эмпирической работе Дэвида Коу и Элха-

¹² *Kuznets Simon. Modern Economic Growth. New Haven: Yale University Press, 1966. – P. 10.*

нана Хелпмана, вышедшей в 1995 году и посвященной экономикам стран G7 в 1990 году, инвестиции в НИОКР были отнесены не к человеческому капиталу или к факторам производства, а к вложениям в физический капитал¹³. В то же время в исследовании Джонатана Итона и Самуэля Кортума об особенностях экономического роста в 19 странах ОЭСР, опубликованном в 1996 году (на следующий год после публикации работы Коу и Хелпмана), обмен информацией рассматривался как составная часть факторов производства. Авторы обнаружили интересную закономерность: во всех странах, за исключением США, более половины повышения СПФ было получено благодаря идеям, пришедшим из-за рубежа. Если же дополнительно исключить Великобританию, Германию, Францию и Японию, значение данного показателя возрастет до 90%¹⁴. Получается, что внутристрановое недоинвестирование в НИОКР отнюдь не означает последующего катастрофического отставания национальных экономик от общемировых инновационных тенденций, хотя и негативно отражается на национальных темпах экономического роста.

¹³ См.: *Coe David T., Helpman Elhanan*. International R&D Spillovers. *European Economic Review* 39. 1995. – P. 859–887.

¹⁴ См.: *Eaton Jonathan, Kortum Samuel*. Trade in Ideas: Patenting and Productivity in OECD. *Journal of International Economics* 40: 1996. – P. 251–278.

Институты

В этой части абстрагируемся от традиционного для институциональных разделов рассмотрения прав собственности, соблюдения контрактных обязательств, снижения транзакционных издержек или развития конкуренции. Остановимся на политической составляющей.

Как уже говорилось, институциональная среда при всех прочих чертах имеет одну ныне получающую все большее признание динамическую характеристику: ключевые государственные и общественные институты трансформируются не в опережающем, а сопутствующем экономическим изменениям режиме. Иными словами, во всех развивающихся странах, что могут похвастать стабильно высокими темпами экономического роста (в среднем не менее 5 % в год на протяжении двух-трех десятилетий), институты эволюционировали рука об руку с ростом количественных и качественных показателей национальных хозяйств, в том числе с технологическим развитием. Правила, эффективные сегодня, могут оказаться устаревшими и невостребованными завтра.

В споре о том, что предпочтительнее для экономического роста – демократия или автократия, приведу вывод руководителя отдела развивающихся рынков Morgan Stanley Ручира Шармы: «В 1980-х годах тридцать две страны росли темпами выше 5 процентов, и девятнадцать из них (то есть 59

процентов) были демократиями. В 1990-х годах из тридцати девяти стран с высокими темпами роста демократически были 59 процентов, а в 2000-х 43 процента из пятидесяти трех. Итог трех десятилетий: 52 процента из ста двадцати четырех быстрорастущих стран были демократиями»¹⁵. К этому добавлю, что на экономический рост более ориентированы не парламентские, а президентские режимы правления, причем, как в демократических, так и в авторитарных странах¹⁶. Экономическая история знает множество более ранних подтверждений вывода Шармы. К примеру, в 2000 и 2003 годах Адам Пшеворский с соавторами, а позднее Кейси Маллиган и Ксавьер Сала-и-Мартин представили два независимых друг от друга исследования, где показали, что темпы экономического роста в странах с демократическими режимами в целом не отличаются от темпов развития экономик авторитарных государств. В наше время наиболее ярким подтверждением этого вывода является Китай (как когда-то Южная Корея, а еще раньше – Тайвань и Сингапур), хотя уровень доходов населения в демократических странах все же выше¹⁷.

¹⁵ Шарма Р. Прорывные экономики. В поисках экономического чуда. – М., 2013. – С. 265.

¹⁶ См.: Persson Torsten, Tabellini Guido. The Economic Effects of Constitutions. Cambridge: MIT Press, 2003.

¹⁷ См.: Przeworski Adam, Alvarez Michael E., Cheibub Jose Antonio, Limongi Fernando. Democracy and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Mulligan Casey, Sala-i-Martin Xavier. Do Democracies Have Different Public

Как видно, в части эволюционного улучшения институтов, сопутствующего, а не опережающего экономический рост, разночтений все меньше. Снижается градус дискуссий и в отношении постепенной, но вовсе не заданной демократизации общества, происходящей по мере роста доходов на душу населения: когда-то американский ученый Сеймур Липсет утверждал, что кумулятивный процесс урбанизации, индустриализации, роста уровня компетенций и политической мобильности населения в конечном итоге приводит к большей демократизации¹⁸. Однако последующая мировая практика показала, что это далеко не всегда соответствует действительности: в начале 2000-х годов упомянутый выше Пшеворский прямой зависимости (а также обратной корреляции между сроком существования режима и темпами экономического роста) не обнаружил.

Приведу еще одну констатацию. Как писал Хелпман, «у нас нет ни хорошей теории, которая устанавливала бы связи между политическими институтами и ростом, ни надежных эмпирических доказательств существования таких связей»¹⁹. Еще бы. Полвека назад утверждение, будто устойчивый экономический рост возможен только в демократических странах, считалось аксиомой. Однако в дальнейшем

Policies than Non-democracies? NBER Working Paper no. 10040. 2003.

¹⁸ См.: *Lipset Seymour M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. American Political Science Review* 53. 1959. – P. 69–105.

¹⁹ *Хелпман Э. Указ. соч. – С. 212.*

(по хронологии) Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Китай и многие другие государства с блеском продемонстрировали обратное, обогатив экономическую мысль эмпирическим обобщением, согласно которому институты если и видоизменяются, то только в тесной увязке с поступательным развитием экономики. В современных условиях все сложнее провести грань между автократией и демократией, особенно в некоторых президентских демократиях. Сегодня ни демократы (за исключением разве что ортодоксально-либерального крыла), ни тем более этакисты уже не рассматривают государство в качестве смитсианского «ночного сторожа»²⁰. Напротив, государство в современном мире – активный субъект экономики. К слову, этатизм в различных формах был присущ не только восточным, но и многим западным экономикам периода экономических неурядиц, тем же США времен Великой депрессии, совпавшей с президентством Франклина Рузвельта, когда в ходу были кейнсианские

²⁰ Как писал Адам Смит, «согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности... во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия, и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 2009. – С. 47).

рецепты государственного вмешательства, или ФРГ, строившей послевоенное развитие не только на основе Плана Маршалла, но и на базе внедрения модели социального рыночного хозяйства Людвига Эрхарда и Альфреда Мюллера-Армака. Впрочем, и в настоящее время, когда мир пытается выкарабкаться из Великой рецессии, масштабное присутствие государства в экономике уже стало нормой.

Когда-то Адам Смит ввел в оборот знаменитый мем «невидимая рука»: «...каждый отдельный человек... не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес..., причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»²¹. Как видите, Смит говорил о «невидимой руке» как о некоей иррациональной силе, без привязки к рынку как к системе хозяйственных коммуникаций. Рынок многочисленные толкователи Смита «присоседили» позднее, хотя уместнее было бы говорить о «невидимой руке» интеграции своекорыстия с нематериальными

²¹ *Смит А.* Указ. соч. – С. 444.

интересами общества. Через двести с небольшим лет после выхода смитсианского «Богатства народов» Мансур Олсон предположил, что применительно к системе государственного управления существует еще одна невидимая рука: «Эта невидимая рука – не следует ли нам называть ее невидимой левой рукой? – направляет всеохватывающие интересы правителей таким образом, чтобы побудить их, хотя бы в некоторой степени, к применению силы в соответствии с интересами общества, хотя при этом служение общественному благу не входило в их намерения. Эта вторая невидимая рука столь же противоречит интуитивным представлениям, как и первая рука во времена Адама Смита, но это не значит, что она менее значима»²²

²² Олсон М. Власть и процветание. – М., 2012. – С. 40.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.